

Олли Эш

Свет
Тезеи

Олли Эш Свет Тезеи

<https://litres.ru/74282913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать лет назад Элмарена бежала от своего мужа-тирана, короля юга Ишандэра Корена, узнав, что их новорожденный сын мертв. Она похоронила прошлое, нашла новую жизнь и любовь в северном королевстве. Но прошлое не умирает.

Когда на пороге появляется смертельно больной Ишандэр, он приносит не только старые раны, но и потрясающую вест: их сын Рушан жив. Воспитанный в ненависти к «предавшей» его матери, молодой король юга прибывает в столицу, чтобы исполнить последнюю волю отца и взглянуть в глаза женщине, которую он всю жизнь считал чудовищем.

Однако встреча с Элмареной и ее новой семьей переворачивает его мир. В лабиринте дворцовых интриг и древней магии рун он находит не только неожиданную истину о своем прошлом, но и свое будущее — в лице юной, сильной и дерзкой принцессы Тезеи, которая видит его душу такой, какой он сам ее боится принять.

Содержание

Глава 1. Гости с юга	4
Глава 2. Разговор наедине	10
Глава 3. Прощание	16
Глава 4. Прощание с Ишандэром	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Олли Эш

Свет Тезеи

Глава 1. Гости с юга

Элмарена.

Я всегда знала, что этот день настанет.

Дея предупредила меня месяц назад — там, во сне на берегу реки. «Король юга едет в столицу». И вот теперь дозорные донесли: кортеж Ишандэра Корена пересёк границу и движется к дворцу. Без армии, что было неплохой новостью, только эскорт и советники. По всему его приезд походил на дружественный визит, а не вторжение. Но зная характер моего мужа и обстоятельства нашего с ним расставания, от этого было не легче.

Последние дни я провела словно в тумане. Мы с Арисом почти не разговаривали — он дал слово не вмешиваться, но держать это слово давилось ему тяжелее любого боевого заклинания. Я видела, как он сжимает кулаки, когда думает, что я не смотрю. Как хмурится, глядя в окно на дорогу, хотя та ещё была пуста. Он готовился к бою. Даже если этого самого боя не предполагалось. По крайней мере, того, к которому он привык.

Тезея держалась спокойно. Я как-то спросила — не боит-

ся ли она. Но принцесса посмотрела на меня своими пронзительными серыми глазами и ответила: «Я не боялась даже тогда, когда мы мамой прятались в деревне. Тогда я даже не знала, какое будущее меня ждёт. Теперь я вижу горизонты и бояться больше нечего».

Я не была так уверена. Хотя горизонтов видеть мне было не дано, но прошлый опыт общения с Ишандэром их памяти не сотрешь. И я боялась.

Они вошли в тронный зал, когда солнце уже клонилось к закату.

Высокие двери распахнулись, и процессия южан вступила под своды. Шли они медленно, торжественно, с тем достоинством, которое въедается в кровь поколениями королевских династий. Их было немного: несколько советников, двое магов в тёмно-алых мантиях, молчаливая стража. И впереди — он.

Ишандэр Корен.

Я стояла по правую руку от Рейвена, на шаг позади трона. Арис был рядом — я чувствовала его присутствие, как чувствуют стену за спиной. Мне даже не нужно было смотреть на него, чтобы ощущать, что он есть.

Ишан шёл медленно. Трость из чёрного дерева с серебряным навершием глухо отстукивала ритм по мраморным плитам. Он был не один. Чуть позади, на расстоянии шага, следовал молодой человек в тёмно-алом камзоле. Высокий, тем-

новолосый, с холодным, ничего не выражающим лицом. Он держался прямо и смотрел куда-то поверх голов, будто всё происходящее его не касалось. Я скользнула по нему взглядом — кто-то из свиты, возможно, наследник или советник, — и тут же забыла. Всё моё внимание было приковано к Ишану.

Когда он приблизился, я не узнала его лица.

В моих воспоминаниях он был высоким, широкоплечим, с надменной улыбкой и глазами, которые всегда смотрели так, будто всё вокруг принадлежит ему. Тот Ишан заполнял собой залы, заставлял оборачиваться, подчиняться, бояться. Ишан из моего прошлого был несокрушим.

Этот старик не был похож на него.

Он опирался на трость всем телом, будто без неё не мог сделать и шагу. Его спина сгорбилась, седые волосы поредели, лицо изрезали глубокие морщины. Он двигался тяжело, и каждый шаг давался ему с видимым усилием. Но когда он поднял глаза и посмотрел на меня, я сразу узнала их. Те же холодные, цепкие глаза. На меня смотрел человек, который ничего не забыл.

Я ждала этого момента тридцать лет. Представляла его сотни раз. Думала, что почувствую ликование или ненависть. Хотя бы удовлетворение — вот, ты хотел править вечно, а стал развалиной. Но вместо этого внутри разлилась странная, горькая пустота.

Мой враг был сломлен. И это не принесло мне радости.

Ишан остановился в центре зала. Молодой человек замер в двух шагах позади него — неподвижно, как статуя. Кортёж выстроился полукругом, но я уже не смотрела на них. Только на него.

Рейвен поднялся с трона.

— Ишандэр Корен, король юга, — произнёс он голосом, который был спокоен и твёрд. — Мы приветствуем вас в наших землях. Что привело вас сюда?

Ишан не стал отвечать церемонными фразами. Видимо, перестал играть в дипломатию. Только опёрся на трость обеими руками и посмотрел не на короля — на меня.

— Я прошу оставить меня наедине с женой, — сказал он. Тишина ударила, как пощёчина.

Я почувствовала, как Арис напрягся. Его аура вспыхнула на мгновение и тут же погасла — он сдержал себя. Рейвен перевёл взгляд с Ишана на меня. В его глазах читался вопрос.

Советники зашептались. Кто-то из южан кашлянул. Молодой человек в алом камзоле остался недвижим.

Я заставила себя вдохнуть.

Жена. Он назвал меня женой. Через тридцать лет. После всего, что было. После того, как я пыталась убить его. После того, как он отнял у меня сына.

Что-то дрогнуло внутри. Но я не позволила этому выйти наружу. Я подняла голову и посмотрела на Рейвена.

— Ваше величество, — сказала я ровно, — я согласна и

прошу вас дать нам время.

Рейвен помедлил. Потом кивнул.

— Все покидают зал.

Это был приказ.

Арис задержался на мгновение. Я встретила его взгляд — и едва заметно кивнула. Всё хорошо. Вернее, ничего было не хорошо, но я справлюсь. Он сжал челюсти и вышел. Я знала, что он будет переживать, но ждать за дверью. И если что-то пойдёт не так, он будет здесь первым. Это придавало сил.

Зашуршали одежды. Советники потянулись к выходу. Стража отступила. Южане переглянулись, но подчинились. Зал пустел на глазах.

Молодой человек в алом камзоле развернулся и направился к двери вместе со всеми.

— А ты оставайся, — проговорил Ишан.

Молодой человек замер. Обернулся. В его глазах мелькнуло что-то, но он не произнёс ни слова.

— Ты остаёшься, — повторил Ишан с нажимом. — Сын-нок.

Я посмотрела на молодого человека внимательно. Тёмные волосы — точь-в-точь как у меня. И его зелёные глаза — мои глаза.

Чертами лица он был похож на Ишана. Но были и те, которыми мужчина был пугающе похож на меня.

Мир сузился до одного человека. В голове пульсировало простое слово.

Сын.

Двери захлопнулись за последним советником. Мы остались втроём в огромном пустом зале. Я, Ишандэр Корен и мальчик, которого я считала мёртвым тридцать лет.

Глава 2. Разговор наедине

Элмарена.

Я смотрела на молодого человека — и не могла отвести взгляд.

— Его зовут Рушан, — сказал Ишан и посмотрел на меня с холодной улыбкой. — Твой сын.

— Сынок, — повторила я одними губами. Без звука. Слово, которое я не произносила тридцать лет.

Рушан стоял у двери. Его лицо ничего не выражало — ни радости, ни гнева, ни любопытства. Только холод, который я когда-то носила в сердце сама. Холод, за которым прячут боль.

— Ты сказал, что он умер, — мой голос прозвучал глухо. Я повернулась к Ишану. — Ты сказал мне это в лицо. Не пустил меня к нему, чтобы проститься. Дал мне поверить, что его больше нет.

Ишан опирался на трость обеими руками. Его дыхание было тяжёлым — видно было, что даже стоять ему стоит усилий.

— Я солгал, — сказал он просто.

У меня потемнело в глазах.

— Тридцать лет, — прошептала я. — Тридцать лет я жила с мыслью, что мой ребёнок мёртв. Что я даже не смогла его похоронить. Тридцать лет, Ишан.

— Я знаю.

— И ты пришёл сюда сейчас, когда едва держишься на ногах, чтобы сказать мне это?

— Да.

Я смотрела на него и не знала, что чувствую. Ненависть? Определенно. Она никуда не делась. Но к ней примешивалось что-то ещё. Горе, которое я считала давно похороненным, поднялось из глубины и сдавило горло. Мой сын был жив. Все эти годы. Рос, учился, становился мужчиной. Без меня.

Я повернулась к Рушану.

Он стоял всё так же неподвижно. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он смотрел на меня — и молчал.

— Ты знал? — спросила я.

— Знал, — ответил он. Голос у него оказался низким, глухим. — С детства. Отец сказал мне, кто ты. Сказал, что ты пыталась убить его и бросила меня.

— Я не бросала тебя. — Мой голос дрогнул. — Он сказал мне, что ты умер. Я поверила.

— Ты не пыталась проверить.

Четыре слова. Спокойных, холодных. Но они ударили сильнее, чем любое проклятие. Потому что он был прав. Я должна была проверить. Вернуться, найти хоть какую-то зацепку, убедиться. Но я сбежала. Потому что поверила. Так было легче, чем снова столкнуться с Ишаном и оказаться запертой в клетке.

Я опустила глаза.

— Ты прав, — сказала я тихо. — Я должна была. И я не сделала этого.

Рушан ничего не ответил. Только смотрел на меня — всё тем же холодным, оценивающим взглядом. Словно решал, достойна ли я того, чтобы со мной говорить.

Ишан тяжело опустился на ступени трона. Ноги не держали его. Он выглядел измождённым, выжатым до капли.

— Я не смог убить его, — проговорил он глухо. — Когда ты ударила... твоя магия прошла через меня. Часть её ушла к нему. Я восстанавливался годами. А когда пришёл в себя, мальчику было уже два года. Он смотрел на меня и не боялся. — Ишан усмехнулся, но в том не было веселья. — Убивать его уже не имело смысла. Он был моим наследником. Единственным.

— Ты достойно воспитал его, — сказала я.

— Да.

— И никогда не любил.

— Нет.

Рушан слушал этот разговор с тем же каменным лицом. Но когда отец произнёс «нет», что-то дрогнуло в его глазах. На мгновение. Я заметила. И поняла: он знал это всегда. Знал и жил с этим.

— Почему сейчас? — спросила я, снова поворачиваясь к Ишану. — Почему ты пришёл сейчас, через тридцать лет?

Ишан поднял на меня глаза. В них не было прежнего хо-

лода — только усталость.

— Потому что я умираю, Элмарена. Решил, что мальчик должен знать мать. Даже если эта женщина по-прежнему меня ненавидит. Да что там, он сам меня ненавидит. — Он перевёл дыхание. — Я был плохим мужем. И ужасным отцом. Но я хотя бы попытаюсь сделать одну вещь правильно.

Я молчала.

— Я оставлю вас, — сказал он, поднимаясь с видимым усилием. Трость скрипнула под его весом. — Вам нужно поговорить. Без меня.

Он медленно пошёл к двери. У самого выхода остановился, не оборачиваясь.

— Рушан, — произнёс он. — Я знаю, что ты меня не простишь. И не жду этого. Но она... не такая, как я тебе говорил. Попробуй узнать её, прежде чем принимать решение.

И вышел.

Дверь закрылась за ним с тихим стуком. Мы остались вдвоём.

Я смотрела на сына. Он смотрел на меня. Между нами было десять шагов мраморного пола и тридцать лет молчания.

— Ты похож на меня, — сказала я наконец. Глупо. Банально. Но других слов не нашлось.

— Мне говорили.

— Кто?

— Отец. Когда злился. — Его губы чуть дрогнули. Улыбка вышла болезненной, как будто он совсем не умел радоваться.

— Он говорил, что я такой же упрямый и своенравный. И у меня твои глаза.

Я сделала шаг вперёд. Он не отступил. Ещё шаг. Ещё. Теперь между нами было не больше двух метров.

— Можно... — я запнулась. — Можно мне подойти ближе?

Он помолчал. Потом коротко кивнул.

Я подошла. Протянула руку — медленно, давая ему время отстраниться. Мои пальцы коснулись его щеки. Тёплая. Живая. Мой сын. Мой мальчик, которого я никогда не держала на руках.

— Убери руку, — сказал он ледяным голосом.

Я отшатнулась. Словно от удара — того самого, который я когда-то направила в сердце его отца.

Рушан смотрел на меня, и теперь в его глазах не было ни холода, ни боли. Только что-то жёсткое. Он выстраивал защиту годами. Та самая стена, которую я знала слишком хорошо. Я жила за такой же и мне казалось, что это прекрасная защита.

— Послушай, мама, — произнёс он, и слово «мама» прозвучало не как доброе обращение, а как чуждое, незнакомое слово, которое он пробовал на вкус. — Мне уже не два года и не пять, чтобы ты была нужна мне. Я вырос без тебя. Отец передал мне корону, и я приехал сюда исполнить его последнюю волю. Ты совершенно чужая мне женщина. Которая выбрала прятаться и устраивать свою уютную жизнь

вдали от нас.

По моей щеке скатилась слеза. Одна. За ней вторая. Каждое его слово било точно в цель.

— Я не виню тебя за слабость, — продолжил он. — Наверное, тебе было тяжело с отцом. Но я все эти годы жил с ним. И научился жить без тебя. Давай не будем играть в счастливое воссоединение матери и сына. — Он помолчал. — Удели внимание Ишану. Ему это нужно. Мне — нет.

Я стояла, не в силах вымолвить ни слова. Слезы текли рекой. Чувство вины — то самое, которое я душила годами, — захлестнуло меня с головой. Я открыла рот — и не смогла произнести ни звука. Что я могла сказать? Что я не знала? Что я боялась? Что я была сломлена? Это были бы оправдания. А он не желал слышать моих оправданий.

Мой сын повернулся ко мне спиной и вышел.

Дверь закрылась за ним — тихо, почти беззвучно. Гораздо тише, чем он, наверное, хотел. Было больно. Но я заслужила.

Я осталась одна в пустом тронном зале. Слезы капали на мраморный пол, и я не могла их остановить. Тридцать лет я бежала от прошлого. Тридцать лет я убеждала себя, что ничего нельзя было изменить. И вот прошлое само пришло ко мне — с моими глазами и моим упрямством, — посмотрело на меня и сказало: «Ты чужая».

И я ничего не могла на это ответить. Потому что он был прав.

Глава 3. Прощание

Рушан.

Я не отходил от двери всю ночь.

Отец умирал. Это не было неожиданностью — он угасал последние полгода, и лучшие целители юга только разводили руками. «Магическое истощение», — говорили они. «Последствия старой раны». Я знал, что это за рана и кто её нанёс. И теперь эта женщина — моя мать, которую я никогда не знал, — сидела у его постели и держала его за руку.

Я не понимал.

Как можно желать человеку смерти — и сидеть с ним в его последние часы? Как можно пытаться убить, а потом бережно поправлять одеяло, касаться лба, проверять пульс? Она делала это машинально, привычно — как будто прощалась. Но имела ли она право прощаться с тем, кого хотела уничтожить?

Отец никогда не говорил о ней с любовью. Только с обидой и жесткостью. «Она пыталась убить меня и бросила тебя». Вот и всё. Одна фраза на всё моё детство. Я не спрашивал больше. Научился жить с мыслью, что моя мать — предательница и убийца. Что она не хотела меня, никогда не любила и я был просто помехой.

Но сейчас она сидела в трёх шагах от меня, и я не мог отвести взгляд.

Она была похожа на меня. Те же тёмные волосы — она распустила их, и они падали на плечи, как мои падали на лоб, когда я забывал постричься. Те же зелёные глаза — усталые, покрасневшие. Она была старше, чем я представлял. Не внешне, на вид она выглядела едва ли старше меня. Но в другом: в том, как двигалась, как смотрела, как держала спину, в ней чувствовался жизненный опыт. И боль.

Я всю свою жизнь думал, что ненавижу её.

Повторял это себе годами. Убедил себя, что если когда-нибудь встречу её, то скажу всё, что думаю. Обвиню. Отвернусь. Но сейчас, глядя на неё, я не чувствовал ненависти. Я чувствовал пустоту. И что-то ещё, куда было вообще страшно смотреть.

Мне хотелось сделать шаг навстречу.

Только один шаг. Просто оказаться рядом. Задать вопросы, которые я копил всю жизнь. Почему ты не вернулась? Почему поверила ему, а не себе? Ты думала обо мне хотя бы раз? Хотя бы один раз за тридцать лет?

Но я не мог. Страх держал меня, как цепью.

Открыться — и быть отвергнутым. Протянуть руку — и увидеть, что она не нужна. Узнать, что я здесь лишний. Что мой отец не любил меня, а мать даже не пыталась найти. Я не знал, что было бы хуже: если бы она обняла меня или если бы отвернулась.

Поэтому я просто сидел и молчал.

Отец застонал во сне. Моя рука сжалась в кулак. Я заметил, как она взглянула на меня — быстрый, цепкий взгляд, — и ничего не сказала. Я был благодарен ей за это молчание. И одновременно зол. Почему она молчит? Почему не заговорит первой? Почему не попытается?

Я не знал, чего хочу от неё. И это злило меня ещё больше.

Отец умер на рассвете.

Я смотрел, как она закрывает ему глаза. Как поправляет одеяло, будто делала это сотни раз. Может быть, и делала. Когда-то.

Я подошёл к постели. Его лицо застыло в неподвижной маске. Строгое, властное, каким оно было при жизни. Смерть не смягчила его черт. Он и мёртвый оставался королём. Я смотрел на него и ждал. Горя, облегчения, чего угодно. Но внутри было тихо. Только пустота. Та самая, которая всегда была со мной.

Она стояла рядом. Я чувствовал её присутствие — тепло, дыхание, запах трав. Она была так близко, что достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться её плеча.

Я не протянул.

Я развернулся и вышел.

Сад встретил меня прохладой. Я шёл, не разбирая дороги, пока не оказался у старого дуба. Сел на каменную скамью. В висках стучало. Хотелось ударить по чему-нибудь. Хотелось

закричать. Но я не умел. Меня научили держать лицо, научили говорить холодно, прятать боль так глубоко, чтобы даже я сам не мог её найти. И это работало. До этого момента.

Шаги я слышал раньше, чем увидел её.

Девушка вышла из боковой аллеи. Тонкая, в простом платье, с распущенной золотистой косой. Одна, без сопровождения. Я не знал её — не встречал при дворе, не видел среди тех, кого мне представили по прибытии. Она была не из тех, кого запоминаешь с первого взгляда: неброская, тихая. Но что-то в ней цепляло. То, как она уверенно шла, не оглядываясь. То, как посмотрела на меня — без страха.

Она подошла и остановилась в двух шагах. Не поклонилась и не спросила разрешения. Просто стояла и смотрела на меня серыми глазами.

— Тебе не говорили, что оставаться одной с незнакомым мужчиной опасно? — произнёс я ледяным голосом.

Обычно моя резкость пугала людей. Придворные бледнели, слуги сжимались, даже советники отводили взгляд, когда я говорил таким тоном. Я ждал, что она отступит. Но она не отстранилась.

— Ты не сделаешь мне ничего плохого, — сказала она спокойно.

Я окинул её взглядом с ног до головы — медленно, оценивающе. Пусть почувствует себя неудобно. Пусть поймёт, что перед ней не тот мужчина, с которым можно играть в игры. Боль и ярость — ярость на отца, на мать, на самого себя

— требовали выхода. Захотелось показать ей, каким я могу быть.

— Ты уверена?

— Да.

— Почему?

Она чуть склонила голову, будто раздумывая над ответом. И сказала:

— Потому что человек, который действительно хочет причинить боль, не предупреждает об опасности. Он просто действует.

Я замолчал. Аргумент был неожиданным.

— Ты лучше, чем хочешь казаться, — добавила она. — Послушай. В это время в саду начинают петь птицы.

Я прислушался. И правда — откуда-то из глубины сада разнеслась тихая трель. Одна, вторая, третья. Я не заметил бы её сам. Я вообще мало что замечал в последние часы.

Ярость начала отступать. Медленно, неохотно, как волна, уходящая с берега.

Она села рядом. Не вплотную, но достаточно близко, чтобы я чувствовал тепло её плеча. Я заметил, что её рука почти касается моей. Она не навязывалась. Просто была рядом.

Мы сидели молча. Я не знаю, сколько прошло времени. Птицы пели, и их песня заполняла пустоту, с которой я жил столько лет. Не исцеляла — нет. Но делала её чуть менее невыносимой.

Я думал о матери. О том, что она сейчас там — с телом

отца. О том, что я ушёл, ничего не сказав. О том, что она, возможно, ждала, что я заговорю. И я не заговорил.

Страх всё ещё держал меня. Но теперь к нему примешивалось что-то ещё. Сожаление.

А потом я взял её руку.

Она была тёплой. И не дрогнула.

Я поднёс её к губам и поцеловал — коротко, почти целомудренно. Она не отняла руки. Просто посмотрела на меня — без страха, жалости или того липкого любопытства, с которым обычно смотрят на королей. Понимание. Вот что было в её глазах.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Тезея, — ответила она.

Я отпустил её руку и встал.

— Спокойной ночи, Тезея.

— Спокойной ночи, король.

Я ушёл, не оглядываясь. Но её имя звучало у меня в голове, и пустота внутри была уже не такой ледяной. А где-то на границе сознания билась мысль — о матери, о том, что я не сказал ей, о том, что, может быть, завтра я смогу сделать этот шаг. Может быть. Если страх отпустит.

Глава 4. Прощание с Ишандэром

Рушан.

Последняя воля отца исполнилась. Он умер на руках у женщины, которую любил. Хотя любовью это назвать было сложно. Скорее — одержимость. Он говорил о ней редко, но когда говорил, в его голосе звучало что-то тёмное, собственническое. Она была его трофеем. А я был досадным последствием этой одержимости. Так считал отец, и с этой мыслью я вырос.

Мать пыталась убедить меня в обратном. В том, что не знала. Что все эти годы бежала от него в страхе. Что он сказал ей, будто я умер, и она поверила. Я видел её слёзы — настоящие, не наигранные. Видел, как у неё дрожали руки, когда она пыталась коснуться моего лица. И что-то внутри меня хотело поверить ей. Сделать шаг навстречу.

Но я не мог. Пока не мог. Слишком много лет я жил с мыслью, что моя мать — предательница и убийца. Слишком глубоко эта мысль проросла. Чтобы вырвать её, нужно время. И, возможно, то, чего у меня никогда не было — доверие.

Прощание прошло по нашим обычаям. Тело отца положили на деревянный помост во внутреннем дворе. Советники выстроились полукругом, стража замерла, южные маги зажгли ритуальные свечи. Я стоял ближе всех, глядя на неподвижное лицо человека, который дал мне жизнь и никогда

не давал любви.

Факел в моей руке дрогнул. Я опустил его. Пламя побужало по сухим веткам, разгораясь всё выше, и вскоре помост превратился в пылающий костёр. Дым поднимался к серому небу, и я смотрел на него, чувствуя странную, непривычную лёгкость. Конец. Отец ушёл. И вместе с ним ушла целая эпоха моей жизни.

Рядом со мной стояла она. Элма. Мать. Я не приглашал её, но она пришла сама — в тёмном платье, с собранными волосами. Она не плакала. Просто стояла и смотрела на огонь, и я не знал, что она чувствует. Может быть, ничего.

Когда костёр догорел, я повернулся и ушёл. Не попрощавшись. Мне нужно было время.

Мне нужно было возвращаться.

Советники уже несколько раз напоминали мне об этом. Королевство не могло долго оставаться без правителя, а я и так задержался здесь дольше, чем планировал. Но встреча с матерью стала занозой, которая терзала меня изнутри. Она будто засела там, в груди, и не давала дышать ровно.

И ещё была причина задержаться.

Моя предполагаемая невеста. Когда отец сказал мне, что мы едем на север, чтобы я увидел принцессу-ведьму, обещанную лордом Карстером, я воспринял это лишь как предлог. Формальность. Способ отца увидеть мать перед смертью. Но теперь, когда отец ушёл, а его слова о «союзе коро-

левств» повисли в воздухе, мне показалось... разумным задержаться. Хотя бы на несколько дней. Посмотреть на неё. Принять решение. И, возможно, заодно понять, что делать с матерью.

Королевский ужин был назначен в тот же вечер.

Во главе стола восседал король Рейвен. Молодой, светловолосый, с серыми глазами. Он держался спокойно, почти расслабленно, но я видел — он присматривается ко мне. Оценивает. Взвешивает. Он был умнее, чем хотел казаться, и это стоило учитывать.

Рядом с ним сидел Аристер, верховный маг и по совместительству — новый воздыхатель моей матушки. Высокий, широкоплечий, с суровым лицом и взглядом, который не сулил ничего хорошего. Когда мы встретились глазами, его челюсть сжалась. Я ответил холодной улыбкой. Видимо, у моей матери был особый талант — находить самых властных мужчин и без памяти влюблять их в себя. Отец с гордостью рассказывал, как убил её первого мужа и покори́л её. И только моё появление разрушило идиллию.

Интересно, знает ли верховный маг эту историю?

Мать сидела рядом с ним. Я старался не смотреть на неё, но краем глаза замечал: она почти не притронулась к еде. Её пальцы нервно теребили край салфетки. Она хотела что-то сказать — я чувствовал это, — но молчала. Правильно. За столом, полным советников, не место для семейных разгово-

воров.

Ужин начался в молчании. Южные советники и северные лорды обменивались настороженными взглядами. Стук приборов, звон бокалов. Пустые, ничего не значащие фразы.

Затем король начал дежурную беседу — о торговле, границах, безопасности трактов. Я отвечал коротко и по делу. Да, юг заинтересован в торговле. Да, границы нуждаются в укреплении. Нет, я не намерен обсуждать это за ужином.

А потом я отодвинул тарелку и сказал:

— Когда вы планируете перейти непосредственно к цели моего визита? Я уже три дня ваш гость, но так и не увидел свою невесту.

Тишина. Такая, какой бывает тишина перед бурей. Советники замерли. Кто-то кашлянул.

Аристер напрягся. Я заметил, как его пальцы сжались на подлокотнике, как он подался вперёд — совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы я понял: он готов кинуться в бой. Верный пёс короля. Защитник семьи. Едва почуял угрозу в моих словах — и уже ошестинился.

Это и к лучшему. Я был не прочь подраться. Мне вообще в последние дни хотелось ударить кого-нибудь. Желательно — сильно.

Рейвен же оставался спокойным. Он даже дипломатично улыбнулся.

— Вышло досадное недоразумение, — произнёс он. — Дело в том, что судьбу сестры решил вверить вам лорд Кар-

стер. А он оказался заговорщиком и предателем. Его слово ничего не стоит.

— Значит, ваше королевство отказывается от союза?

— Я считаю неправильным, чтобы залогом союза оказывался живой человек. Моя сестра имеет право сама сделать выбор, с кем она хочет связать судьбу.

Ярость разгоралась внутри. Медленно, как огонь, который сначала лижет края, а потом вздымается до небес. Я встал. Стул отъехал назад с противным скрежетом.

— Видимо, я не вхожу в достойные варианты её выбора, — бросил я в лицо королю.

Аристер встал тоже. Его глаза потемнели, пальцы сжались в кулак. Я почти надеялся, что он ударит. Дал бы мне повод. Интересно, он решил выяснить отношения магией? Прямо здесь, не щадя своего драгоценного короля и возлюбленную? Ну давай, верховный маг. Покажи, на что ты способен.

Воздух накалился до предела.

И вдруг раздались торопливые шаги.

К столу подошла девушка. В тёмно-синем платье, с золотистой косой, уложенной вокруг головы. Я замер. Та самая незнакомка из сада. Она сидела со мной, пока пели птицы. И сказала: «Ты лучше, чем хочешь казаться».

Она была принцессой.

— Может быть, кто-то хочет услышать моё мнение? — спросила она.

Рейвен нахмурился.

— Тезея, зачем ты пришла. Я же просил.

— Прекратите, — она обвела взглядом обоих братьев. — Вы — мои братья, и я люблю вас. Но я не позволю решать за меня. Никому. В том числе, вам.

И повернулась ко мне.

Она подошла — спокойно, неторопливо, — и присела в лёгком реверансе. Движение было безупречным, но без подобострастия. Скорее — дань вежливости.

— Меня зовут Тезея. Я бы хотела пригласить вас остаться у нас. Мне будет приятно познакомиться вас с нашим королевством, рассказать о традициях. Если вы, конечно, не против.

Я смотрел на неё. Красивая девушка. Принцесса. И по ощущениям — довольно сильный маг. Та самая, которую обещал мне Карстер. Она не испугалась меня в саду. Первая, кто проявил ко мне гостеприимство и говорил со мной как с человеком, а не как с угрозой или разменной монетой.

Я взял её руку.

И поцеловал — едва касаясь губами.

— С большим удовольствием приму ваше предложение.

А затем с самой милой улыбкой, на которую был способен, обернулся к её братьям:

— Вы же не будете против, король?

Рейвен ответил дежурной улыбкой. Я видел, как под ней клокочет раздражение, но он был слишком хорошим дипломатом, чтобы показать это.

— Мы будем рады принимать вас, — произнёс он.

Верховного мага я не удостоил ни вопросом, ни взглядом. Пусть этот пёс тоже брат Тезеи. У меня была к нему ненависть, не поддающаяся объяснению. Может быть, потому что он стоял рядом с матерью так, будто имел на неё право. Но больше, потому что он был всем, чем я не был. Любимый. Нужный.

— Я бы хотела показать вам дворец, — сказала Тезея. — Особенно мы гордимся обширной библиотекой.

— Как интересно.

Я подал принцессе руку, и мы вышли из зала. За нашими спинами повисла тишина — та самая, которая бывает, когда все пытаются осмыслить произошедшее. Представляю, какое негодование кипело внутри у её братьев. Я буквально видел, как Аристер сжимал кулаки.

И от этого разлилось внутри тёплое, почти забытое чувство. Кажется, это был... триумф.

Тезея.

После напряжения на семейном ужине и небольшой прогулки по дворцу с Рушаном, я чувствовала себя так, будто меня выжали досуха. Слишком большой накал страстей царил в воздухе, а уж всеобщее напряжение и эмоции, бившие через край... Одним словом, слишком. Мне нужно было найти тихое место и успокоиться после своей смелой выходки.

Я выскользнула из дворца через боковой выход и пошла

к конюшням. Лошади вызывали умиротворение. Их запах, тепло, спокойное дыхание — в этом было что-то настоящее и простое, чего так не хватало в королевском замке. Это был кусочек моей прежней жизни. Не принцессы Тезеи, на которую смотрят два ужасно заботливых брата и полкоролевства в придачу. А обычной девушки Тез.

Но в нашей семье не я одна оказалась любительницей уединения. Точнее, это место он сделал будто специально для себя.

Когда я вошла в конюшню, Рейвен стоял у стойла с любимой гнедой кобылой. Его голова была опущена, он гладил её по морде и что-то тихо шептал. Братик, как и я, в тишине искал ответы на свои мысли.

Я хотела тихо уйти, но он услышал шаги. Его плечи напряглись, и брат обернулся. Увидев меня, на мгновение замер, а потом улыбнулся.

— Тезея, — произнёс он. — Я думал, ты убежала в свои покои.

— Я тоже думала, что ты занят обсуждением с Аристером, как бы запереть меня в самой высокой башне дворца, — ответила я, подходя ближе. — Но, кажется, мы оба сбежали от суеты и непрошенных мыслей.

— Значит, ты сомневаешься, что вмешалась?

— Нисколько. — Я честно посмотрела ему в глаза. — Просто мы видим картину по-разному. Я ведь маг, хотя по совместительству оказалась принцессой. Теперь я благодар-

на маме, что до пробуждения дара она спрятала меня от всего этого. Я живу с ощущением, что от моих шагов зависит судьба многих. Хотя кому я рассказываю, правда, Рей?

Рейвен ничего не сказал. Он просто протянул руку и сжал мою ладонь. Его пальцы были тёплыми и чуть шершавыми — руки человека, который не только подписывает указы, но и держит меч. Это прикосновение вернуло меня в реальность, отогнало навязчивые мысли.

— Я знаю, что ты сильная, — сказал он наконец. — И я знаю, что ты не из тех, кто позволяет собой управлять. Но, Тезея...

Он запнулся. Я видела, как он подбирает слова. Как тяжело ему даётся этот разговор. Рейвен всегда был собранным, всегда знал, что сказать. Но сейчас он выглядел так, будто внутри него борется король и старший брат. И старший брат, кажется, побеждал.

— Я не хочу, чтобы это звучало как приказ, — продолжил он. — Ты уже достаточно взрослая и сама принимаешь решения.

— Рей, говори.

Он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза. И впервые за всё время нашего знакомства я увидела в его взгляде не только братскую любовь, но и страх. Настоящий, глубокий страх. Тот, который он прятал за королевской маской даже от самого себя.

— Будь осторожна, — сказал он. — С южанами. С Руша-

ном.

— Он мой жених, — напомнила я.

— Навязанный. — Рейвен провёл ладонью по лицу, будто пытаясь собраться с мыслями. — Но Тез, мы только нашли тебя. Ты понимаешь? Мы — я и Аристер — столько лет искали тебя. И когда ты наконец появилась... я поклялся себе, что больше никогда тебя не потеряю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.